

³ Современная философия: Слов. и хрестоматия. Ростов н/Д, 1996. С. 37.

⁴ Антонович М. А. Избранные философские сочинения. М., 1945. С. 287.

Рукопись поступила в редакцию 14 ноября 2006 г.

И. Б. Фан

МОДЕЛЬ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ГРАЖДАНИНА ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Представлена инвариантная функциональная модель гражданина, которая сконструирована на основе методологии социокультурного анализа. Эта модель имеет три основных измерения — институциональное, ментальное и личностное, которые конкретизируются с помощью «структурно-семантического каталога» бинарных оппозиций: *свои — чужие, господство — подчинение, эгалитарное — элитарное, публичное — частное*. С помощью этой модели реконструируется феномен западноевропейского гражданина позднего Средневековья как универсально-уникальное образование.

Основу реконструкции гражданина позднего Средневековья для нас составляет методология социокультурного анализа, представляющая теоретический синтез синергетики, концепций глобальной и локальной истории, структурно-функционального анализа, исторической антропологии, социологии знания, экзистенциализма, философии культуры, семиотики, метода моделирования и реконструкции социальных явлений¹. Каждый из этих методологических подходов раскрывает определенный аспект становления, существования и изменения феномена гражданина. Их синтез ведет к рассмотрению данного феномена в качестве многогранного целостного явления в единстве его социальных и культурных, институциональных и ментальных, объективных и субъективных, устойчивых и динамичных, универсальных и уникальных характеристик. Это позволяет перейти от объективистского рассмотрения человека как производного от совокупности социальных институтов, господствующего в отечественных социальных науках, к анализу его субъектности. Именно субъект собственной деятельностью, мотивируемой культурой, воспроизводит и изменяет социальные связи и институты.

Используя принцип бинарных оппозиций в качестве «метакода культуры как целого» и понятие «структурно-семантического каталога»², мы построили инвариантную функциональную модель гражданина, имеющую три основных измерения. Институциональное измерение модели фиксирует синхронический аспект социальной реальности — структуру, упорядочен-

ность, статичные формы, институциональные связи. Это комплекс социальных условий бытия индивида, образующих его социально-экономический и политико-правовой статус. Ментальное измерение модели акцентирует внимание на диахроническом аспекте, на интенциональности культуры к динамике ментальных форм. Это совокупность нормативно-ценностных форм культуры (религиозных, моральных, правовых, политических), образующих этос гражданина. Ментальное измерение создается напряжением между культурными нормами общности, к которой принадлежит индивид, и совокупностью ментальных структур и установок индивида. Вслед за представителями школы «Анналов» и исторической антропологии мы признаем методологическую пластичность понятия ментального и будем опираться на его общие значения и смыслы, которые объединяют Л. Февра, М. Блока, Ж. Ле Гоффа, К. Леви-Строса, Н. Элиаса, А. Я. Гуревича. Содержание этого понятия включает «не только когнитивную сферу сознания (т. е. знания, воззрения, верования, чувствования, которыми обладает данная общность людей), но и иерархию ценностей, доминирующие потребности, архетипы коллективного бессознательного, а также стереотипы мышления и поведения людей, детерминирующие специфику реагирования индивидов и общностей определенной эпохи, географической области и социальной среды на окружающий мир»³.

Социология знания предоставляет способ объяснения взаимосвязи институционального и ментального, объективного и субъективного измерений социальной реальности. Посредством процедуры легитимации раскрывается субъективное измерение социальной реальности в целом и институционального порядка в частности. Легитимация здесь — обеспечение устойчивости институционального порядка через его объяснение и оправдание. Материалом, из которого строится социальная реальность, является дотеоретическое элементарное знание — все «то, что каждый знает» о социальном мире, включая правила поведения, моральные принципы и конкретные предписания, пословицы и поговорки, ценности и верования, мифы и т. п. Институциональный порядок воспроизводится в той мере, в какой знание проходит циклы объективации и субъективации. «Знание — сердцевина фундаментальной диалектики общества. Оно программирует каналы, по которым в процессе экстернализации создается объективный мир. Оно объективирует этот мир с помощью языка и основанного на нем когнитивного аппарата, т. е. оно упорядочивает мир в объекты, которые должны восприниматься в качестве реальности. А затем оно опять интернализуется как объективно существующая истина в ходе социализации»⁴. Институциональный порядок реализуется в актах коммуникации, осуществляемой посредством языка как основы культуры.

Деятельность индивида обеспечивает постоянный взаимный переход и взаимное отражение его ментальных и институциональных характеристик. Источником и результатом этого процесса является личность — «медиа-

тор» (К. Леви-Строс) двух аспектов бытия индивида, точка взаимного порождения социума и культуры. Это третье измерение нашей модели. Взаимообусловленность личности и гражданина (как политико-правовой ипостаси личности) выражается в том, что феномен гражданина связан со статичным, формальным аспектом бытия индивида, а личность — с динамичным, содержащим возможность обновления данной социальной формы. Основные измерения модели конкретизируются с помощью «структурно-семантического каталога» бинарных оппозиций: 1) *свои — чужие*; 2) *господство — подчинение*; 3) *эгалитарное — элитарное*; 4) *публичное — частное*. В наличии скрытого и/или явного напряжения между полюсами каждой оппозиции проявляется динамичный характер модели. Набор оппозиций — открытая система инвариантных пар понятий, с помощью которых можно рассматривать любые исторические проявления феномена гражданина, и вариативных, связанных с конкретной исторической формой гражданина. Каждая бинарная оппозиция задает границы одной и той же формы явления, исторически наполняемой новым содержанием.

С помощью функциональной модели гражданина можно реконструировать и общность, к которой относится гражданин, и его самого в контексте и материале конкретной эпохи. Каждая из полярных категорий обозначает вектор направленности процессов, тенденцию. Конкретно-историческое соотношение тенденций — один из вариантов спектра возможностей в диапазоне между крайними из них. Итог противостояния тенденций определяется медиативными способностями и качествами субъекта деятельности, зависящими от культурно-исторического контекста бытия человека. Социокультурная методология дает возможность представить четыре исторические формы гражданина в Западной Европе — античную, эпохи христианского Рима и раннего Средневековья (I–IX–XI вв.), классического Средневековья, Нового времени, показать истоки и динамику их развития. Процесс исторического становления данного феномена — единый социокультурный процесс, характеризующийся сочетанием дискретности и непрерывности, устойчивости и изменчивости, статики и динамики, культурной континуальности и смены обособленных социальных форм, флуктуаций и случайностей, хаотичности и направленности в формировании конкретной исторической формы гражданина в рамках каждой локальной культуры.

Реконструкцию феномена бюргера позднего Средневековья начнем с институционального измерения. Специфическими характеристиками этой эпохи Ж. Ле Гофф считает контраст города и деревни, постепенное изменение отношения к горожанам и становление нового — деятельного, а не созерцательного менталитета, связанного с выбором «сего мира» и развитием «инстинкта собственника»⁵. «Городская стена служила наиболее укрепленной границей из всех известных в ту эпоху. Стены, башни и ворота разделяли два мира... Быть горожанином или быть крестьянином — здесь проходил один из великих разломов средневекового общества»⁶. Бюргерское обще-

ство — совокупность локальных и взаимосвязанных (Ганзейский союз) городских сообществ внутри «множества множеств» средневекового общества. Помимо городов как особых экономик, обществ, цивилизаций, государств, культур и самосознаний, в обществе того времени Ф. Бродель выделяет еще четыре социальные иерархии: сеньериальную, теократическую, феодальную и территориального государства⁷. Им соответствовали и типы власти. Доминировал традиционный тип власти, основанный на производстве тела, ему соответствовал феодальный этос тела. Параллельно в городах шло становление нового типа господства — власти капитала, новой модели включенности индивида в общность и нового понимания идеи свободы — свободы от всех «вертикальных» зависимостей феодального общества. Вслед за экономической города постепенно приобретали и политическую власть. Одновременно шло становление этоса бюргера, вытеснявшего военно-аристократический идеал рыцаря.

Бюргерское общество Средневековья гетерогенно, фрагментарно, подвижно, отсюда его импульс развития и вращающегося в иные социальные иерархии. Разнообразны типы городов и устройства городских общин. Типичным городом Средневековья М. Вебер считает бюргерский промышленный континентальный город, ориентированный на экономику, его основным субъектом был горожанин как *homo oeconomicus*⁸. Наличие саморегулирующейся городской общины, обладающей автономией, особым правом и структурой, — уникальный признак средневековой цивилизации. Становление социального статуса индивида неотделимо от становления городской общины. Устойчивое ядро города к концу Средневековья составляла «*universitas*» — корпорация жителей города, идентифицирующихся в качестве «своих» и противопоставляющих себя «чужим». «*Universitas*» существовала как самостоятельное юридическое лицо, субъект права и политики, собственность которого составляли городская печать, хартия, казначейский сундук, каланча ратуши, городские стены и иные атрибуты.

Изначально городская община формировалась как «братство», скрепленное священной и нерасторжимой клятвой, союз формально равных между собой бюргеров, сложившийся в борьбе за участие в городском управлении. Братство переросло в городскую общину. По нашему мнению, средневековая гражданская община представляет собой результат слияния идеи и типичных социальных практик античного полиса (с определяющим его статусом гражданина как существа политического) с идеей и повседневным стилем жизни христианской общности как братства (с определяющим его статусом христианина). Повседневная жизнь горожан обеспечила этот ментальный синтез и его воплощение в новых экономико-политических функциях и культурном значении города. В городской общине экономический статус отдельного бюргера (владение недвижимостью) постепенно приобрел качество главного признака членства в общине, потеснив значение религиозного и политического признаков.

Социальный статус горожанина был обусловлен его принадлежностью к той или иной корпорации. Правовой статус гражданина, выводимый из статуса городской общины, гарантировал ему следующие права: равный для всех суд согорожанами, равными по положению, запрет произвольных арестов, участие в городских ассамблеях (право голоса), возможность быть избранным в органы городского управления, право носить оружие. В обществе доминировало право корпорации и ее членов. «Процесс возникновения и складывания городских свобод тесно связан с проникновением в правовое сознание и юридическую практику понятия “корпорация”»⁹. Политический статус бюргера носил характер формального равенства, но фактически набор и объем политических прав горожан зависел от их сословной и корпоративной принадлежности. Корпорации в городе выстраивались в жесткую иерархию, которой и соответствовали реальные политические права горожан. Расширение автономии и прав гражданина связано с изобретением принципа представительства, вносящего в политическую структуру города начало элитарности. И устройство городского «парламента», и политический статус каждого бюргера становились итогом политической борьбы в городе и установления уникального соотношения начал эгалитарности и элитарности. Процесс сословного оформления городов завершился во всех странах Западной Европы включением их представителей в сословно-представительные собрания, которые превратились в «институт публичного права, элемент государственной системы, ограничивающий единовластие монарха»¹⁰. Политический статус бюргеров менялся параллельно трансформации политических структур города на протяжении XIV–XV вв.

Общий социальный статус гражданина предполагает набор институционализированных социальных ролей и соответствующих обязанностей и прав: лично свободного человека, собственника, коренного жителя города, члена церковного прихода (религиозного братства), налогоплательщика, члена городского ополчения, участника городского суда и городской ассамблеи, члена того или иного органа городского управления. Состав ролей выстраивался в иерархическую ролевую структуру посредством акта медиации, требующего от индивида определенной степени личностного развития. Необходимость медиации вызывалась резким усложнением состава ролей, связанным с концентрацией населения, общественных связей и власти в городах.

Необходимо подчеркнуть, что социально-экономический и политико-правовой статусы бюргеров порождались и поддерживались их ментальностью, повседневным мировоззрением — религиозно-нравственными, правовыми и политическими представлениями о реальности, человеке и его предназначении, собственной группе, а также предписаниями, правилами и стереотипами мышления и поведения, пословицами и поговорками, ценностями, мифами и т. д. Режим воспроизводства и трансляции институтов членства в городских общинах и городской государственности (в том числе

коммуны) следующим поколениям действует в той мере, в какой ментальность в «возвратно-поступательном движении проходит циклы объективации и субъективации», экстернализации и интернализации¹¹. Воспроизводство старых и формирование новых социальных институтов осуществляется посредством актов коммуникации с помощью языка. Условием становления и существования исторической формы гражданина позднего Средневековья является постоянный процесс перехода ментальности горожан в институты городской общины, и наоборот. Реальность субъективная подтверждала объективную, структурную социальную реальность, в свою очередь находя подтверждение в ней.

Ментальное измерение модели гражданина связано с содержательными, культурными характеристиками социальных ролей, составляющими субъективную сторону его социального статуса. Статус бюргера предполагал обладание чувством собственного достоинства, вытекающим из чувства причастности к какой-либо корпорации и городской общине в целом. Ментальные характеристики гражданина и способ его поведения были «не личными его качествами, а достоянием корпоративной группы»¹², определялись ее нормами, идеалами и ценностями. Нарушить или уклониться от исполнения норм группы значило обречь себя на публичное осуждение и изгнание. Личностные и индивидуальные его проявления определялись набором статусных ролей. Следствием неотделимости статуса от личности его носителя была неразличимость публичной и частной сфер бытия гражданина. Повседневная жизнь горожанина почти всегда протекала в «местах социальности» — в цехе, на площади, в церкви, таверне, на кладбище. Горожанин жил с чувством «удовлетворения от включенности» в корпоративную жизнь¹³. На выборах в члены совета цехов или органов муниципального управления индивид принимал решение, подчиняющееся общему мнению корпорации. Обстановка «повседневной взаимности» поглощала время труда, быта и досуга горожан, но и порождала новую потребность в независимости.

На чем основывалась корпорация как «братство» равных, как клятвенный союз? Сакральность норм корпорации имела христианские истоки. Клятва не просто договор или соглашение о верности, это апелляция к сакральным силам, обеспечивающим существование земного сообщества. Нарушить клятву — значило бросить вызов этим силам. Подлинными хозяевами города, предстоятелями, хранителями городских привилегий и свобод считались святые патроны¹⁴. Однако при столкновении разного типа «верностей» (коммуне, сеньору) возникали коллизии. Отсюда стремление коммуны аннулировать прочие связи, освободить людей зависимого состояния, ограничить деятельность людей сеньора в городе или добиться от них «переприсяги» коммуне. Источник единства городской общины носил трансцендентный характер. Каждый город мыслился жителями как святое пространство, модель «Града Божьего», символом которого служил городской храм. Земной город стал проекцией Небесного Иерусалима. Отсюда двой-

ственность города: это и привилегированное пространство спасения, и пространство земной жизни. Двойственна и фигура гражданина: как земное существо, он подвержен соблазнам и порокам, но, как член религиозной общности, он «образ и подобие Бога» и равный другим «брат». В нем сближались «гражданин небесный» и земной человек. Здесь, на наш взгляд, совпадали смыслы понятий человека, верующего и горожанина. Результатом медиации оппозиции Небесного и земного градов становится идея равновесия, мира в городе. Его достижение зависит от добродетелей горожанина, его способностей к самоограничению, контролю над чувственностью, аффектами, к рефлексии и разумной жизни. Стремление к индивидуальному и коллективному спасению души связывалось с практической заботой о благоустройстве и земном процветании города, которая стала способом реализации идеи устройства каждого города по образу и подобию истинного Града Божьего, пространства божественной справедливости, свободы, права, равенства, христианских добродетелей.

Роль праведного христианина («гражданина Града Небесного») — первая и самая трудная роль горожанина. Церковь требовала ее исполнения, стимулируя сверхиндивидуальную сторону личности, связанную с общением с Богом. Достоинство человека виделось в ограничении индивидуальной воли и мнения, в ориентации на авторитет и волю Церкви и корпорации. Понятия отлучения, крещения, веры, верности, призвания имели и сакральный, и социально-политический смысл. Отлучение еретика от общности христиан фактически означало исключение человека из общества, социальную и духовную смерть.

По нашему мнению, городская община — это пространство и способ реализации христианской модели социальности (идей апостольского братства), погруженной в автохтонный социокультурный контекст — итальянский, германский, скандинавский, французский и т. д. Идеи Нового Завета о детях Божьих и братьях Христа создавали образ принципиально новой человеческой общности — христианской общины, образованной по типу семьи, определяющими отношениями в которой являются любовь отеческая и сыновняя (вертикаль господства-подчинения Бога и верующих) и братская (горизонталь равенства детей Божьих). Позднее Средневековье спроецировало модель равенства верующих на отношения в городских общинах. Фома Аквинский писал о «божественном общении», характерном для христианской общности, как о слиянии людей в «едином теле Церкви (*in uno corpore Ecclesiae*)...»¹⁵. Тело христианской общины — это прообраз средневековых корпораций Европы. Гражданство в христианской общности — это подобие братства во Христе, согражданства (или равенства обитателей *Civitas Dei* — града-государства-общности с Богом во главе) в Граде Небесном, находящим земное прибежище в теле Церкви.

Теология способствовала духовному оснащению новой формы социальности. Этика Фомы Аквинского задала образец религиозно-нравственного

поведения горожанина. Аквинат осуществил синтез религии любви и милосердия (Евангелия) и религии Закона путем установления иерархии ценностей внутримирской этики естественного закона и надмирской этики христианского нравственного закона¹⁶. Христианская этика обращалась к устройству общественной жизни и поведению субъектов публичной жизни. Вечный божественный закон мира и природы, закон разума, ставит задачу ограничения и упорядочения чувственности, аффектов и страстей. Добродетель состоит в поддержании равновесия в соответствии с предписаниями разума. Внутри сотворенного мира строится свободный, нравственный, разумный мир. В альтернативу греха и спасения, свободного решения и предопределения Аквинат ввел инстанцию человеческого разума: «Грехом в человеческой деятельности является то, что обращается против порядка разума»¹⁷. Субъективизм личностных интенций стало возможно соизмерять с объективными законами формальной логики, а моральный самоанализ подвергать контролю рассудка. Переживания христианина стали определяться относительной рассудочно-серединной моралью¹⁸. Христианин обрел роль медиатора двух градов как полюсов его внутреннего мира.

Предписание Церкви об обязательности исповеди для всех верующих способствовало замене внешних способов регламентации внутренним самоконтролем. Рост самосознания городского населения требовал новых способов, норм и критериев оценки преступлений и аморальных действий. Отсюда внимание к вопросу о внутреннем критерии моральных намерений и поступков и понятию совести в схоластике XIII–XIV вв. Кающиеся приносили на суд церковников свое «дело совести», подвергая религиозно-нравственной оценке те или иные профессиональные действия, коллизии между трудовой необходимостью и предписаниями поста и т. д.¹⁹ Именно католическая церковь стоит у истоков формирования типа буржуа, оказывая корректирующее влияние на становление капиталистического духа.

Ядро требований к культурной роли гражданина составляла ориентация на христианские добродетели. Каждый человек в повседневной жизни должен утверждать христианскую иерархию ценностей бытия, высшая из которых — служение благу и справедливости в соответствии с волей Бога и заповедями Христа. Христианский долг гражданина — следовать церковным образцам добродетелей. Оппозиция *добродетель* — *грех* конституировала ментальность горожанина. Грех представлялся опасностью индивидуальной, общественной (публичной) и даже космической. Страх Божий считался средством, побуждающим человека к разумному поведению. Он будил в человеке потребность в рационализации и методизации его жизни, способствовал возникновению способности индивидуальной рефлексии и самоконтроля. Рационализм католической теологии нашел отклик в культуре и ментальности горожан. Город и был колыбелью рационализма. Забота горожан о спасении души носила характер расчета, основанного на убеждении в возможность договорных отношений с Богом. Горожанин занимался

благотворительной деятельностью, ожидая от Бога ответных действий в виде посмертного воздаяния за праведную жизнь.

Под неусыпным «оком» католической церкви формировалось правосознание горожанина. Модифицированным способом реализации абсолютных императивов христианского естественного права стали правовые нормы и законы. Осуществление права имело юридическую и сакральную стороны. Законопослушное поведение оценивалось как богоугодное дело, преступления — как грехи. Помимо наказаний, принятых в чувственном мире, христианское правосудие предполагало ряд символических кар прижизненного и посмертного возмездия. Церковный суд проходил как священный ритуал (аналог Страшного суда), на котором обвиняемый предстал как дважды виновный — перед людьми и Богом, а обвинительный приговор имел предельное значение.

Синтетический характер носили требования к человеку, занимающему любую должность в органах городского управления или суда: быть человеком «доброй славы» — значит обладать верностью, честностью, законопослушностью, ответственностью, спокойным нравом. Нормы городского права втягивали в правотворческую деятельность практически каждого горожанина, поэтому он обладал достаточно развитой правовой культурой и правосознанием, знал городские обычаи и законы, владел навыками их применения. Правосознание горожанина было гетерономным по форме, нормы корпоративного, сословного права задавали внешние образцы, определяющие мотивы его деятельности и выбор модели поведения. В правосознании индивида сосуществовали ценности городской общины, корпорации и его собственные предпочтения, потребности и интересы. Расхождения между уровнями этой структуры заставляли искать способы согласования общих и частных интересов. Вызревающая в культуре оппозиция *социальное (корпоративное) — индивидуальное (или публичное — частное)* выражает напряжение, присущее и институциональной, и ментальной стороне модели средневекового гражданина.

Несмотря на распространенность различных форм насилия в городе и живучесть обычая мести, жизнь бюргера пронизывала установка на легитимность. Оппозиция культуры *сила — право (беззаконие — легитимность)* разрешалась горожанами путем поисков легальных способов установления правопорядка в городе; таковыми стали институты городского суда и альтернативные формы правосудия — арбитраж третейского судьи, внутрикорпоративные суды, церковный суд, гильдейский арбитраж, нотариусы и т. д. Установка на легитимность была присуща сознанию «низов» даже в процессе борьбы средних и низших слоев бюргерства за доступ к власти, в ходе конфликтов между коммунальными властями и «плебейским» элементом в XIV—XV вв. Сохранение целостности городской общины путем компромисса было главной политической ценностью, лозунгом и ставкой во всех городских конфликтах. Их итогом становилось совершенствование город-

ского права и трудовых отношений, развитие новых форм социального контроля, финансовых механизмов, способов, технологий, процедур, институтов самоуправления. Сходство социального статуса бюргеров и общность интересов порождали подобие их субъективных качеств, чувство солидарности и городского патриотизма. И наоборот: общность религиозных и морально-правовых установок бюргеров лежала в основе воспроизводства городских институтов — от ремесленных цехов до корпорации города. Прагматические действия горожан детерминировались неосознаваемой мотивацией на воспроизводство модели христианской общности и образ добродетельного гражданина-христианина.

Политическую и правовую социализацию молодежи горожане осуществляли с ориентацией на ценности целого, готовя каждого к участию в его поддержании, в сохранении свобод (привилегий) города. Чувство коммунальной солидарности, основанное на клятве о взаимопомощи, спасало горожан при необходимости восстановления безопасности и порядка в городе. Военные и полицейские функции общины горожане выполняли, распределяя между собой соответствующие обязанности. В ходе решения бюргерами конкретных задач (охраны стен, внутреннего порядка) и формировались институты коммун: служба ночного патрулирования, квартальные ополчения городской милиции, стрелковые гильдии и т. д. Участие в них становилось неременной обязанностью всех граждан в возрасте от 15 до 70 лет. Организации людей по кварталам, основанные на чувстве «квартальной солидарности», были наиболее устойчивыми городскими структурами. Там, где патрициат закрывал бюргерам доступ к муниципальному управлению, участие в квартальной жизни оставалось формой реализации их амбиций, школой самоуправления и политической активности. Мелкие территориальные ассоциации горожан (улица, церковный приход, соседская группа) осуществляли социальный контроль над своими членами. Круговая порука и ответственность за поддержание правопорядка сплачивали аналогичные организации во многих средневековых городах. Горожане создали множество разнообразных форм ассоциаций: коммуну, приход, квартал, ополчение, цех, гильдию, клиентеллу («партию»), коммерческие ассоциации и т. д. Человек всегда был на публике, перед лицом «референтной группы», он не мог удалиться в собственное частное пространство. Частная сфера жизни человека не была отделена от публичной. Чужак, одиночка был нежелательной фигурой. Ядро городского правового и политического сознания составляло различие круга «своих» и «чужих» на разных уровнях, в разных масштабах и по многим критериям, главным из которых была общность граждан города.

Роль корпорации по отношению к индивиду двойственна: защищая от внешнего давления и служа пространством его относительной свободы, она ограничивала его личностное развитие. Сознание корпоративного братства, безопасности, возможностей порождало ощущение внутреннего покоя, уве-

ренности, чувства достоинства у каждого ее члена. Корпорация задавала социальные роли горожанина, определяя координаты его личности. Несобранность этих ролей в индивидуальное ядро, соответствие своеобразию группы его вполне устраивало. Он не ощущал потребность в личностной индивидуальности. Роль члена корпорации требовала от индивида максимально деятельного включения в строй жизни, порядка внутри группы, соответствия ее ожиданиям, нормам, уставу, канонам поведения, образцам труда и отдыха. Общественную доблесть горожанина составлял обет верности своей корпорации и городской общине.

Однако даже в условиях заданности бытия гражданина обычаями, ритуалами, моральным давлением групп, при отсутствии индивидуальной свободы выбора, бюргер обладал возможностью маневра. Гетерогенная, гибкая, неустойчивая городская среда открывала перед горожанами пути изменения социального статуса посредством личных усилий, создавала внешние и внутренние возможности становления личности горожанина. Он был включен сразу в несколько групп, мог действовать одновременно на разных уровнях: семейном, профессиональном, военном, муниципальном, соседском, приходском. Многообразие групп, конфликтность городской среды, столкновение законов и норм (цеха, коммуны, короля), ценностей позволяли индивиду лавировать, действовать свободно. Используя конфликты интересов, горожанин мог легко идентифицироваться то с одной группой, то с другой. Толпа (во время восстаний, карнавалов) тоже определяла его поведение, разрушая представления о жесткой принадлежности группе. Человек временно освобождался из-под власти религиозных и корпоративных стереотипов мышления и поведения, переосмысливал старые и неожиданно находил новые, внецерковные и внекорпоративные ценности и нормы поведения.

Становление новой ментальности горожан происходило путем освобождения от перегруженной христианской символики, переосмысления отношения к земному миру, времени, традициям, труду, власти, согорожанам, телу, семье, еде, роскоши и т. д. Горожанин разделял «общие одержимости» людей того времени: боялся согрешить, не видел границы между реальным и воображаемым, естественным и сверхъестественным, жил «в лесу символов» культуры, верил в незыблемость церковной, социальной и политической иерархии. Но, будучи горожанином, купцом, интеллектуалом или художником, т. е. принадлежа к новым социокультурным типам, человек обретал «профессиональную» ментальность и специфические пороки и добродетели. Эмос горожанина вырос в некоем второстепенном пространстве культуры между господствующими в то время этосами священника, феодала и крестьянина. Через подражание и отстранение от этики крестьянина, монашеской этики служения Богу и «корпоративно-персоналистской этики личного служения и личной верности»²⁰ феодала-рыцаря и утверждался этот парадоксальный этос. Жанры городской литературы того време-

ни (фаблио — шванки, народные баллады) выражают изменчивую, фактическую жизнь бюргера, отличную от официальной, застывшей, идеализированной жизни героев агиографической литературы. Появляется образ смеялого горожанина, плута, на службе сильным мира сего отстаивающего собственные интересы.

Этос бюргера типологически совпадает с этосом купца. Анализируя произведения литературы XI–XV вв., А. Я. Гуревич показывает социокультурный тип купца в его ранне- и позднесредневековом выражении. Выявляются изменения в общественной оценке купечества и его ментальности, произошедшие к XIV в., метаморфоза осуждаемого «парии» общества в господствующий тип предпринимателя. Содержание культурной роли купца, которое можно вычленил из наставлений отца сыну в «Королевском зеркале» (Норвегия, XIII в.)²¹, наполнено разнонаправленными требованиями: быть расчетливым, осмотрительным и уметь рисковать; быть образованным (знать торговое право, языки, географию, астрономию) и уметь извлечь из всего собственную прибыль; быть воинственным и миролюбивым; стремиться к увеличению движимой собственности ради вложения в недвижимую (землю); следовать этике евангельской бедности и этике накопительства; подражать аристократам и иметь собственное «лицо» и т. д. В анонимной поэме «Добрый краткий спор между Накопителем и Расточителем» (Англия, XIV в.) купеческие добродетели — умеренность, достоинство от честно нажитого богатства, расчетливость в тратах, стремление сохранить нажитое и т. п., противопоставляются доблести рыцарей-аристократов — церемониальному распоряжению богатствами, публичной расточительности, высокомерию, праздности, обжорству²².

На наш взгляд, развитие купечества шло и посредством медиации между различными требованиями к культурной роли купца, и за счет отбора людей, способных совмещать разные роли. Раннесредневековая раздвоенность между христианской и стяжательской этикой уступила место этике умеренного купца и предпринимателя. Соединение веры и купеческого стяжательства привело к оценке удачливой коммерции как служения Богу, к договорным принципам отношений с Богом. «Арифметическая ментальность» купцов произвела на свет представления о пропорциональности добрых дел на земле и наград в горнем мире, о пространстве и времени. Архитектура и организация городского пространства все более подчинялись восприятию горожанина-зрителя. Секуляризация времени ставила время (индивидуальную и общую историю) на службу бюргерам, делала восприятие времени более очеловеченным, субъективным, личностным.

Купечество сыграло первенствующую роль в развитии корпоративного и индивидуального самосознания. В мемуарной и автобиографической литературе эпохи высвечивается интерес купцов к собственной персоне во всех ее проявлениях — от участия в политической жизни города до деталей повседневной жизни. Купцы открыли ценности частной жизни в их отли-

чии от норм жизни публичной; любовь к дому, семье, собственным детям все более оттесняла патриотизм и «благо коммуны». Но вместе с этим — «мораль беспринципной наживы», утилитаристское понимание добра, «меркантильный индивидуализм». «На картинах и портретах итальянских и фламандских мастеров богатые купцы предстают перед нами нарядно-величественными и благочестивыми людьми, щедрыми дарителями, основателями госпиталей, украшателями церквей и прочих общественных зданий, тогда как в интимных записях и «семейных хрониках» обнажаются их безжалостный эгоизм и цинично-инструментальное отношение к согражданам и контрагентам коммерческих сделок. У делового человека эпохи Возрождения было два облика. Он сочетал культуру с коммерцией, религиозность с рациональностью, благочестие с аморальностью. Освобождая политику от морали, он действительно был «макиавеллистом до Макиавелли»²³. Политическая роль купцов неоднозначна. Хорошо владея политической конъюнктурой и играя на разнице интересов центральной власти, аристократии и низших сословий, «патриции» и «средние» бюргеры использовали городские советы и другие формы самоуправления в собственных экономических целях. Особую лепту купцы и бюргерство внесли в становление абсолютизма: экономические союзы купцов («нации») и «республиканские» формы управления городами стали фактором формирования наций-государств и централизации власти.

Этос гражданина оказался ареной столкновения и способом сближения противоречивых ценностей и установок — должного (этоса христианина) и реального. Становление бюргерского этоса протекало с оглядкой на реальность — на гетерогенность городской среды, порождающей новый сплав отношений. Христианский этос, ценностно обновленный в этой среде, существенно повлиял на содержание этоса бюргера. Последний представлял собой внутренне противоречивую модель поведения, в которой сказывались наслоения ее синтетического культурного происхождения: соседство эгалитарных ценностей и установок «горизонтальной солидарности» с элитарными, аристократическими; городского патриотизма с корпоративной солидарностью и чувством различия сословных интересов. Новая система восприятия мира эволюционировала в городах, начиная с XII–XIII вв., и распространялась по мере их роста. Внутренний мир горожанина стал полем сосуществования этих типов ментальности. Теологи, мистики, поэты, художники открыли внутренний мир человека, осознали глубину его «Я». Теологи и философы рационализировали этос христианина. «Происходила интериоризация духовной жизни, ведущую роль приобретало развитие сознания, и вопросы схоластики превращались в дилеммы самосознания»²⁴. Отсюда переворот в «коллективном ментальном»: повышение внимания к намерениям, мотивации поведения, обострение чувствительности, ориентация на идеал нравственной чистоты. В готическом искусстве зримо воплощались утверждавшиеся ценности сего мира, конкретизировались и инди-

видуализировались предметы и люди. Так начался процесс десакрализации мира и культуры. Новеллы XIV–XV вв. фиксируют и моральный кризис купечества, и появление нового героя литературы — предприимчивого «рыцаря торговли».

Средневековая цивилизация, установив матрицу корпоративных пределов существования индивида, создала и социокультурные основы прорастания личности. «Признание единства всех во Христе (“Послание к Галатам” 3:28), независимо от различий повлекло за собой постановку вопроса о единстве личности, о единстве Церкви в связи с единством Бога. Троица и Троица — это единство двух природ Христа. Именно начиная с понятия *единого* сложилось понятие личности... относительно божественных личностей, но одновременно и относительно человеческой личности, субстанции и формы, тела и души, сознания и действия»²⁵. Понятие моральной личности на протяжении всего Средневековья применялось ко всем «условным сущностям» — корпорациям, благотворительным фондам и т. п., которые до сих пор именуются «юридическими лицами». «Вплоть до новейших конституций юридическое лицо обозначалось словом *πρόσωπον*. *Universitas* — это личность личностей, но подобно городу, Риму, — это вещь, сущность»²⁶. Лицом, личностью, индивидуальностью в общественном сознании обладала корпорация, но не индивид. Однако христианство заложило основы для перехода от понятия персоны как человека, олицетворяющего сословие, к понятию индивидуальной человеческой личности. Уже Кассиодор, теолог V–VI вв., говорил о личности как о неразделимой, индивидуальной рациональной субстанции. Позднее Средневековье внесло свой вклад в этот переход, но завершился он лишь в Новое время.

По нашему мнению, в становлении личности существенна роль синтеза христианских идей (личности, индивидуального спасения) и развития торгового (купеческого) права, где произошло выделение пространства действия лица, а затем утверждение купца в качестве индивидуального субъекта права. Это послужило предпосылкой становления и общесословного права, и появления автономного индивидуального субъекта гражданского и конституционного права в масштабах нации-государства. Эволюция права в Средние века — это процесс конкретизации субъекта права, идущий через территориальное, сословное к общесословному его определению с одновременным повышением правовой автономии индивида в Новое время. Этому соответствовали тенденции возрастания религиозной, моральной и политической автономии личности. Процесс взаимодействия христианской и купеческой этики в последующей истории западноевропейской культуры включает и фазы их относительной гармонии-синтеза в виде протестантской этики предпринимательства, и фазы истончения этоса христианина и вытеснения его этикой неограниченного индивидуализма.

Но в каком смысле можно говорить о личности средневекового горожанина? «Примеры», жанры проповеди, показывают напряжение между сво-

бодой воли и фатальной несвободой, исходящей от Бога или дьявола. Проповедь Бертольда Регенбургского «О пяти фунтах (талантах)» (XIII в.) — свидетельство представлений того времени²⁷. В интерпретации Бертольдом библейской притчи о талантах, вверенных господином своим рабам, обнаруживаются требования к исполнению бюргером социальной роли христианина. Пять даров — главные ценности, за распоряжение которыми человек ответствен перед Всевышним. Душа является незримым центром притяжения перечисленных даров. Перечень талантов Бертольд начинает с человеческой личности — понятия, которое ранее применялось лишь к триединой персоне Бога. Личность есть синтез тела и души. В момент кончины человека это противоречивое единство распадается, но в Судный день душа восстановится в теле, и окончательно осужденной или оправданной «персоне» высший Судья укажет место в загробном мире. «Персона» — первый, основной дар и одновременно совокупность всех даров: «должности, призвания» (социальной функции человека), времени его жизни, имущества и отношений с другими людьми. Важен момент начала объединения понятий времени человеческой жизни, личности и призвания. Врученные Богом таланты становятся собственностью человека. Это новое содержание наполняет традиционную теологическую форму. В проповеди возникает противоречие между теоцентрической и бюргерской картинами мира, в неофициальном центре последней перед лицом Бога и общества встает земной человек. Эти мотивы предвосхищают этику эпохи Реформации.

Важным аспектом отношения между христианской идеей личности и актуальным бытием индивида было «сопряжение Простеца и Схоласта (с включением Мастера как медиатора этих полюсов)»²⁸. Средневековая культура и идея личности пронизаны антитезами: *верх (Бог, Град Небесный, дух) — низ (Дьявол, град земной, тело); ничто (ничтожество) — все (всесовершенство), праведность — греховность* и т. д. Все эти полюса постепенно стягивались, порождая новые представления о «посредниках»: Церкви как посреднике в общении между человеком и Богом; городе как месте встречи двух градов; мирянах, способных осуществить умеренный этос святости; купце как посреднике в торговом и культурном обмене; художнике (ремесленнике, Мастере) — медиаторе земного и небесного начал и т. д. Идея личности проросла в диалоге между «высокой» культурой схоластики и «низкой» культурой «простых» крестьян и горожан. Образ Простеца амбивалентен: это реальный крестьянин с его полухристианскими и полуязыческими, традиционными навыками, опытом, ментальными схемами. Это «предмет» идеологической обработки со стороны богословия, уже сориентированного на умы простеца. Горожанину, бывшему крестьянину, были присущи многие из стереотипов поведения и сознания простеца. Но городская среда способствовала его самоизменению, постепенно разрушая не только крестьянскую, но и корпоративно-городскую ментальность, и пробуждала личностное в его сознании. Внутренний диалог с простецом «в себе»,

открывающий мудрость в простоте бытия, составлял смысл мышления средневековой личности. Простец как внутренний собеседник присутствует в «проповедях» и «примерах» теологов. В столкновении с ним Теолог, Схоласт создает синтетические конструкции, смотрит на себя его глазами, открывая в себе и человеке вообще способности рефлексии, самосознания, власти над собой. Благодаря образу Простеца индивид выявляет «несовпадение с собой», «другое Я» в себе, начинает определяться относительно себя. Спадают узы социальной и идеологической детерминации, возникает возможность самоотстранения, самодетерминации и индивидуализации человека, обретения им собственного лица. Это возможность быть обособленным индивидом, а не иллюстрацией этоса корпорации.

Идея личности как скрепа социальной и культурной ролей горожанина складывалась в процессе поисков разрешения многообразных городских конфликтов и коллизий существования индивида. Повседневность ставила перед индивидом задачу выбора между различными ценностями, мотивами и моделями поведения. Для культуры и горожанина это означало необходимость поиска путей медиации между абсолютными принципами христианской жизни, социально-правовым статусом гражданина и относительно в религиозно-нравственном смысле возможностями удовлетворения потребностей повседневной жизни. Новые ценности и нормы, возникающие в результате массы актов культурной медиации, поначалу скрывались в недрах прежних культурных образцов. Чтобы найти свое место в божественном мироздании, горожанин должен был соотнести образ Града Небесного и реальный земной город, вывести нормы их взаимопроникновения, спустив небеса и освятив ими пространство земного града. Во-вторых, ему потребовалось найти единство собственной личности, пути сближения тела и духа, земного и «небесного гражданина» в собственной душе. Мы убеждены, что без синтеза этих идей и их практического воплощения гражданин позднего Средневековья не мог бы состояться.

Подведем итоги. Феномен гражданина позднего Средневековья стал социальным приспособлением, которое позволяло городской общине «программировать» поведение своих членов в соответствии с требованиями собственного социального порядка, но оставляло для индивида некоторую свободу выбора между требуемым и реальным поведением. В точке сопряжения адаптивного и индивидуально своеобразного поведения появляется возможность для возникновения личности. Ментальность горожанина, сформировавшаяся под воздействием христианской модели социальности и идеи личности, — субъективная, содержательная сторона модели позднесредневекового гражданина города. Ее взаимодействие с институциональными условиями существования горожанина — организацией городской общины, варьирующейся в зависимости от конкретного контекста, и породило универсально-уникальный феномен гражданина средневекового города. На протяжении Средних веков происходило становление экономического, право-

вого, политического статуса гражданина, соответствующих социальных ролей и ментального их наполнения. Параллельно трансформировалась структура городской общины и формировалось централизованное государство, которое, подчиняя автономные города, перенимало способы их функционирования, их институциональную структуру и культуру. Феномен бюргера, возникавший в динамичном взаимодействии института городского гражданства и этоса гражданина, оказался одним из таких изобретенных горожанином способов жизни, который был востребован Новым временем. Городская община Средневековья создала прообраз гражданина, гражданского общества и нации-государства. Но гражданин национального государства не результат автоматического воспроизводства средневекового гражданина города, но итог Новой истории.

¹ Обоснование введения этих методологических подходов см.: *Фан И. Б.* От героя до статиста: метаморфозы западноевропейского гражданина. Екатеринбург, 2006. С. 32–84.

² Термин позаимствован из кн.: *Пелипенко А. А., Яковенко И. Г.* Культура как система. М., 1998.

³ *Андрианов В. М.* Менталитет // Современный философский словарь. Лондон, 1998. С. 477.

⁴ *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 56–57.

⁵ *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 175.

⁶ Там же. С. 273.

⁷ См.: *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. М., 1988. С. 466–467.

⁸ См.: *Вебер М.* Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 426.

⁹ *Варьяш О. И.* Городское право и право в городе как фактор единения // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М., 2000. Т. 3. С. 245.

¹⁰ *Гутнова Е. В.* Города и сословные собрания // Там же. Т. 4. С. 43–44.

¹¹ См.: *Скоробогачкий В. В.* Социокультурный анализ власти. Екатеринбург, 2002. С. 180.

¹² *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 210.

¹³ См.: Средневековый человек // Культура и общество в Средние века в зарубежных исследованиях: Реф. сб.: К XVII Международ. конгр. ист. наук, Мадрид, авг. 1990 г. М., 1990. С. 111–115.

¹⁴ Например, коммуна Генуи носила название республики св. Георгия (см.: *Рутенбург В. И.* Генуэзский вариант итальянской синьории // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.). Л., 1990. С. 71).

¹⁵ Цит. по: *Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialer Sprache in Deutschland.* Stuttgart, 1972–1995. Bd. 2. S. 728.

¹⁶ См.: *Зомбарт В.* Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М., 1994. С. 189.

¹⁷ Цит. по: Там же. С. 189.

¹⁸ См.: *Душин О. Э.* Модели совести: Фома Аквинский и Владимир Соловьев // Вопр. философии. 2005. № 3. С. 150.

¹⁹ См.: *Ле Гофф Ж.* Другое Средневековье. Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2000. С. 104.

²⁰ *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. С. 9.

²¹ См.: *Гуревич А. Я.* Средневековый купец // Одиссей. Человек в истории. М., 1990. С. 99.

²² См.: Гуревич А. Я. Средневековый купец. С. 105.

²³ Там же. С. 120.

²⁴ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. С. 325.

²⁵ Мосс М. Об одной категории человеческого духа: понятие личности, понятие «я» // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Тр. по социал. антропологии. М., 1996. С. 288.

²⁶ Там же. С. 288.

²⁷ См.: Гуревич А. Я. Культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 201.

²⁸ Библер В. С. Образ простеца и идея личности в культуре Средних веков // Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры. М., 1990. С. 122.

Рукопись поступила в редакцию 29 декабря 2006 г.

А. П. Овчинникова
А. Ю. Цофнас

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ДИАЛОГИ НА ФОНЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Виртуальный форум

В обсуждении методологических проблем анализа процессов глобализации на форуме принимают участие разные люди. Мы сгруппировали некоторые мнения под именами, характеризующими, как нам кажется, концептуальные ориентиры участников разговора, и снабдили некоторые суждения ссылками и примечаниями. Вся ответственность за приводимые ниже суждения лежит, таким образом, на тех, кто их высказывает, а не на авторах данной публикации. Ведь, кажется, именно на этом настаивал Ф. Бэкон: кто хочет владеть разговором в обществе, тот должен пресытиться собой и таким образом уменьшить свою цену.

Социолог: Без риска сильно ошибиться я утверждаю, что едва ли не основной глобальной проблемой современности является дефицит взаимопонимания в сферах мировой политики, экономических идей, искусства, аксиологии, религии, нравственности, т. е. почти во всех областях культуры. Без решения этой проблемы нельзя надеяться на решение и других глобальных проблем. На полюсах взаимного непонимания сегодня более всего заметны радикальные глобалисты и антиглобалисты. Диалог между ними напоминает мне разговор глухих. А выдвигаемые с обеих сторон аргументы таковы, что со стороны кажется, будто правы и те и другие. Может быть, стоило бы здесь, на форуме, изложить основные «про» и «contra», чтобы дать возможность ознакомиться с характером аргументации более широкой публике, ведь это касается всех; все заинтересованы в том, чтобы перекинуть хотя бы шаткий мосток через глубокую пропасть между гласностью и слышимостью. Учитывая общий интерес к этим вопросам, желательно было бы избежать подробных экономических и геопо-